

молвы, что город Рим возрос главным образом благодаря доблести чужестранцев и заимствованным у других искусствам» (пер. В. С. Соколова). Таким образом, «национальный» фактор с неизбежностью был принесён в жертву фактору политическому. В этом заключалась одна из главных причин того, что Римская империя, несмотря на ряд внутренних и внешних потрясений, смогла просуществовать в общей сложности полтысячи лет.

**В. А. КОНЮХОВ (МГУ имени М. В. Ломоносова)
ТИТ ЛИВИЙ — ИСТОРИК, ПИСАТЕЛЬ, ТВОРЕЦ**

Тит Ливий родился в древнем городе Патавии (ныне Падуя) в 59 г. до н. э., а умер в 17 г. н. э., по некоторым данным, там же, в своём родном городе, хотя большую и самую плодотворную часть жизни прожил в Риме. Его патавийское происхождение станет для ближайших потомков своего рода отметиной на его главном труде: среди качеств работы будут называть и «патавийскость» как составляющую то ли её языка, то ли стиля. Однако именно Рим эпохи Августа стал для Тита Ливия местом, где были созданы все (или почти все) главные произведения. Именно Риму, и как городу, и как величайшей державе, посвятит Ливий львиную долю своего внимания и творческой энергии.

Ливий известен не только нам, но и людям поздней Античности большей частью как «человек Одной Книги». Хотя перу Ливия принадлежали несколько ораторских и философских сочинений, притом, судя по отзывам античных авторов, высокого качества, всё же имя его связано навсегда с «Историей Рима от основания Города», как часто именуется его безымянное сочинение в 142 книгах. Сам Ливий именовал своё сочинение «Анналами», однако это невыразительное и бесцветное наименование, имевшее скорее родовой, нежели конкретный характер (ведь «анналами» именовали всякое изложение событий по годам, даже самое короткое и лишённое художественной составляющей), не прижилось и было заменено в Средние века на ныне существующее. До нас, к сожалению, дошла меньшая часть этого колоссального труда: почти полностью сохранились книги I–X и XXI–XLV, известно немало фрагментов из других книг, почти все книги известны в кратких пересказах, иногда более напоминающих оглавления. Книги традиционно делились на декады и соответственно переписывались. Хронологически труд охватывал римскую историю с легендарных времён до 9 г. н. э.

Необходимо указать на одну особенность Ливия как историка и литератора: работая над своей главной книгой на протяжении нескольких десятилетий, он был первым, кто сделал создание литературного труда по истории Города своей профессией. В течение всей жизни он, судя по всему, не занимал никаких государственных постов, будь то гражданские или военные должности. Это было довольно обычно для поэтов того времени, однако за создание исторических трудов тогда брались обычно представители высших сословий (сенаторского и всаднического), следовавшие *cursus honorum*. С этой чертой биографии Ливия связывают некоторые недостатки в описании военных действий, склонность к шаблонности в изображении многих, особенно не очень значительных, сражений; также взгляд добропорядочного и благомысленного обывателя, чуждого политических интриг, иногда сквозит в

описании сенатских дискуссий. С другой стороны, определённая отстранённость автора от той или иной сферы политической и военной деятельности означала, вероятно, и отсутствие известной профессиональной аберрации во взгляде на исторические события. Более того, в некоторых местах талант Ливия доходчиво объясняет суть некогда происходившего таким же дилетантам, как и он сам, приводил к положительным результатам: это касается изображения битвы при Каннах, которую он описал более наглядно, нежели другой — более сведущий в деталях — историк Полибий. Ещё интересный момент: позднейшие составители римских пособий по военному искусству порой черпают информацию о некоторых военных хитростях именно у Ливия. Сам же писатель черпал информацию у более ранних авторов, старших и младших анналистов, Полибия и других авторов. К документальному материалу он прибегает мало, критика источников у него редка, о чём ещё будет сказано ниже.

Если говорить о языке и стиле Ливия, то нужно отметить следующие главные черты: во-первых, язык Ливия, будучи наследником цicerоновской «золотой латыни», являлся, тем не менее, своего рода мостиком к «серебряному веку» латинской словесности; во-вторых, Ливий, стремясь к наглядности и ясности событий и их образов, соответственно и язык использовал ясный, не стремясь к его затемнению архаизмами, что было свойственно и Саллюстию, и многим другим авторам, особенно более поздним. Для последующих веков язык Ливия стал одним из образцов классической латыни.

Мастерство Ливия как художника слова можно проиллюстрировать его портретами исторических личностей: это не ходульные плоские персонажи, а полноценные действующие лица, со своими добродетелями — в римском их понимании — и недостатками. Рельефность достигалась писателем за счёт двойной характеристики: прямой — при первом введении персонажа, косвенной — при дальнейшем освещении его деятельности. Особенно красноречив пример злейшего врага римлян — Ганнибала: вначале характеризуя его отрицательно, Ливий далее по ходу повествования как бы невзначай говорит о выдающемся полководческом таланте пунийца, его стойкости и целеустремлённости. Как и другие античные авторы, падуанец охотно использовал сочинённые им самим речи, которые вкладывал в уста персонажей. Частично они служили мощным средством характеристики личности, частично способствовали прояснению исторической ситуации, как её видел Ливий, но как бы в более объективном ключе. С другой стороны, писатель использовал этот приём, стремясь описать исторические события как бы изнутри, с точки зрения тех, кто в них участвовал; наконец, речи придавали повествованию определённый драматизм почти театрального характера. Тем не менее речи у Ливия более краткие и не столь нацелены на то, чтобы поразить читателя красноречием, чем, скажем, это имело место у Дионисия Галикарнасского.

Чтобы говорить о Ливии как о творце, рефлексирующем относительно того, что он делает, нужно проанализировать вступительную часть его труда. Там он — прямо и косвенно — указывает и на свои мотивы, и на цели, которые ставит перед собой. Основная цель — показать, как Римская держава сначала умножала своё могущество благодаря гражданским и человеческим добродетелям своих деятелей, а затем начала клониться к упадку — с усилением

общественных пороков. Более частная — дать примеры и антипримеры для своих современников. История для него — прежде всего учительница жизни. Ясно, что такой подход великого падуанца достаточно далёк от того, что мы называем исторической наукой в современном смысле (да и в древности некоторые авторы демонстрировали более строгий подход). Однако его стремление видеть исторические события более с точки зрения их участников, чем с точки зрения объективного регистратора, кропотливо сличающего источники для выявления истины (этим последним Ливий мало занимался), отчасти созвучно с современными попытками историков воспринимать каждую эпоху в её собственных понятиях. Его очень часто интересовали интерпретации событий, почему он и приводил различные мнения предшественников, не высказывая порой даже собственной точки зрения.

Уже было сказано о профессионализме Ливия — писательство стало для него не только главным родом деятельности, но и образом жизни. Возвращаясь к мотивам, которые подвигли его на создание столь грандиозного труда, нужно подчеркнуть, что сам Ливий и даёт ответы: это и своего рода бегство от действительности, для него малопримлемой (ведь он считал своё время более порочным, чем минувшую пору Республики), и «трудоголизм», как мы бы выразились сейчас. Характерно, что Ливий говорит о мотивах сугубо личного характера, а не о стремлении принести пользу Риму. За это его будут впоследствии критиковать, более того, спор о том, должен ли художник — в широком смысле — подчинить своё творчество служению государству или же дистанцироваться от него, стал особенно актуален уже в современную эпоху — в XX веке. Всё же представляется, что, исходя в своём творчестве из внутренних побуждений, великий падуанец послужил памяти о своём отечестве более, нежели многие и многие выдающиеся полководцы и государственные мужи Древнего Рима.

Л. Г. ЕЛИСЕЕВА (МГУ имени М. В. Ломоносова)

ОГЮСТ ДЕ ШУАЗЁЛЬ-ГУФЬЕ — ЕГО РОЛЬ В МИРОВОЙ ЭПИГРАФИКЕ

Огюст де Шуазёль-Гуфье родился 27 сентября 1752 года в Париже. Он принадлежал к известному с эпохи каролингов во Франции роду. В коллеже Огюст де Шуазёль увлекся историей античного мира. Своей любовью к Греции он обязан знакомству с Жан-Жаком Бартеlemi, автором «Путешествия юного Анахарсиса в Грецию в половине четвёртого века до Р. Х.». Пропитанная идеями гражданской свободы древних, книга имела большой успех, в том числе и в России, среди её вдохновенных читателей были Карамзин, Грибоедов, Пушкин.

Шуазёлю было недостаточно представлять Грецию только по книгам. В 1776 г., уволившись с военной службы на фрегате Аталанта, двадцати четырёх лет от роду он отправился в научную экспедицию. В Греции он изучал народный быт и зарисовывал древние памятники. В 1782 году, вернувшись во Францию, он опубликовал первый том книги «Живописное путешествие по Греции» («*Voyage pittoresque en Grece*»); два следующих тома вышли в 1809 и 1822 годах), книга, которая имела головокружительный успех во всей Европе. После этого его избрали в Академию надписей и изящной словесности, а спустя два года — и во Французскую академию.